

Притча

Притчей называют близкий басне небольшой рассказ, содержащий поучение в иносказательной форме. Словарь В. Даля толкует притчу как «поучение в примере». В широкоизвестном сюжете, впервые зафиксированном у Эзопа, отец, видя, что никакие уговоры не могут заставить сыновей жить дружно, велел принести им пучок прутьев и предложил его разом переломить. Как ни силились сыновья, ничего не получалось. Тогда отец развязал пучок и стал давать сыновьям по одному прутику, каждый из которых они без труда переломили. Перед нами простейший вид притчи — наглядный пример для доказательства моральной идеи: «Насколько непобедимо согласие, настолько бессилён раздор». Возникновение притчи было закономерным проявлением свойственного древнему человеку образно-аналогического типа мышления, которое стремилось отвлеченную мысль облечь в образ или сравнение (иногда притчу называют параболой, что в переводе с греческого означает «сравнение»).

Притча не имеет четких жанровых границ: в роли притчи могут выступать при определенных условиях сказка и пословица, легенда и образное сравнение. В отличие от басни, которая сразу преподносит недвусмысленный вывод-мораль, притча имеет более свободную, «открытую» форму. Она требует от слушателя или читателя перенести себя в ситуацию притчи, активно постигать ее смысл и в этом сближается с загадкой. Будучи аргументом в беседе или споре, притча должна быть разгадана, то есть сопоставлена, сопережита и понята в результате самостоятельной интеллектуально-нравственной работы человека.

В басне ее герои, в отличие от притчи, — не только люди, но и животные, растения — действуют, как правило, в условных ситуациях бытового характера. В притче персонажи обычно безымянные, очерчены схематично, лишены характеров (в привычном для нас смысле слова): некий человек, некий царь, некая женщина, некий крестьянин, некий отец, некий сын. Это «человек вообще». Смысл притчи не в том, какой человек в ней изображен, а в том, какой этический выбор сделан человеком. Любимые темы притчи — правда и кривда (суд царя Соломона), жизнь и смерть (средневековая притча «Прение живота со смертью»), человек и Бог (евангельская притча о блудном сыне) и т. п.

Нельзя понять притчу вне контекста: ее смысл обусловлен поводом, по которому притча рассказана. При этом сюжетное, содержательное ядро притчи остается устойчивым, меняются лишь смысловые акценты. В Библии есть рассказ о суде царя Соломона, к которому две женщины пришли с младенцем, и каждая называла ребенка своим. Царь, повелев: «Рассеките живое дитя надвое и отдайте половину одной и половину другой», — тут же услышал из уст подлинной матери: «Отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте его», а лгунья сказала: «Пусть не будет ни мне, ни тебе, рубите». Смысл притчи в зависимости от конкретной ситуации может расширяться почти до бесконечности. Например: «Судия праведный — ограда каменная» (Соломон не только умен, но справедлив); «Не рой другому яму — сам в нее попадешь» (желая отнять ребенка у матери, лгунья разоблачила себя). Пословицы приведены здесь не случайно, ведь, как известно, «пословица зря не молвится» — по своей функции она родная сестра притчи. В сюжете пьесы Б. Брехта «Кавказский меловой круг» притча о суде Соломона получит еще один смысл: «Не та мать, что родила, а та, что воспитала».

Две разные притчи в определенном контексте могут нести один и тот же смысл. Чтобы внушить сыновьям, что их сила в единстве, крестьянин в басне Эзопа пользуется притчей о пучке прутьев. Монгольский фольклор издавна знает «завещание» Чингисхана, который с той же целью поведал сыновьям притчу о семиглавой и семихвостой змеях.

Религиозно-мифологическое сознание древнего и средневекового человека видело в явлениях жизни, в каждом фольклорном и литературном сюжете помимо его буквального смысла иносказательный. Практически любой рассказ получал назидательное толкование, осмысливался как притча. В литературе нового времени роль притчи заметно меняется. Сюжеты знаменитых притч ненавязчиво вводятся в художественную ткань литературных произведений. Столкновение исторически злободневного в произведении с универсальным смыслом притчи рождает своеобразный «стереоскопический эффект». В романе Достоевского «Преступление и наказание» евангельский рассказ об умершем и воскресшем Лазаре проецируется автором на судьбу Раскольникова как притча о возможности нравственного возрождения героя романа.

Притча может стать способом авторского обобщения, когда писатель использует емкость и содержательность ее формы для прямого разговора с читателем о волнующих его нравственных и социальных проблемах (притча о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче в «Мертвых душах» Гоголя, «бабья притча» о ключах от женского счастья в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»).

Функцию притчи обретают во произведениях XX века древние мифы, сказки, народные легенды (сказки о Матери-оленихе в повести Айтматова «Белый пароход», легенда о манкурте в его романе «Буранный полустанок»).